

УДК 338.01.36

ОБАМА МЕНЯЕТ МЕЙНСТРИМ (Реформирование американской системы государственного финансового регулирования)

© 2010 г. **А.И. Дейкин***

Институт США и Канады РАН, Москва

Текущий кризис в США далеко не завершился. Шаги президента Обамы по реформированию финансового регулирования это удостоверяют. Меняя «инфраструктуру» американской экономической политики, экономическая команда президента пытается вернуть страну на привычные рыночные рельсы, одновременно подготавливая условия для сохранения политического и экономического лидерства в глобализирующемся мире будущего, где позиции России выглядят весьма неопределённо.

Ключевые слова: *мейнстрим, неолиберальная экономика, кризис госрегулирования, инновации.*

Модернизация «Нового курса» Ф. Рузвельта

К середине 2010 г. текущий мировой кризис вошёл в фазу, которую, пусть и не вполне «по-научному», можно назвать «полосой отстоя»: пропали паника и хаотичная суета первых кризисных месяцев, а экспертные мнения большей частью склоняются к тому, что «рецессия завершилась» и можно уже вычислять сроки окончания и всего кризиса.

Острая фаза, бесспорно, позади, но только не кризис, не причины, его породившие и далеко пока не устранённые, и не возможность его повторения – нового по форме, но столь же неожиданного и разрушительного по сущности. Оттого, наверное, и разброс «дат завершения» необыкновенно широк – от начала 2011 г. до 2015 г. Вот эти расхождения заставляют очнуться от успокоительных настроений многих последних месяцев и вновь обратиться к тому представлению о кризисе, которое складывалось в первые его панические дни. Сделать это нужно не из-за разыгравшегося хаоса оценок и прогнозов, а чтобы заострить внимание на очень важных наблюдениях, выводах и деталях, прозвучавших в «недели первичного испуга», а также и на некоторых появившихся было тогда же «протоколах о намерениях» руководителей многих стран, экономических блоков и международных организаций.

Прогностический разброс по срокам затухания кризиса ясно говорит: на эти необычные оценки, заявления, намерения, обещания, случайные и спонтанные, как раз и следует теперь обратить главное внимание, ибо они были

* **ДЕЙКИН Александр Иванович** – старший научный сотрудник ИСКРАН. E-mail: av654321@workmail.com

вызваны внезапностью ситуации и выявляли суть происходящего (хотя бы пытались это сделать), предвещали перемены и делали первые попытки сформулировать эти перемены и возможную реакцию мирового экономического сообщества на них. Спонтанные формулировки произвели, разумеется, не самое благоприятное впечатление на мировое сообщество и на многие правительства. Понятно, почему: тональность испуга, явно высказанные давние опасения, до той поры тщательно скрывавшиеся или закрытые «формулой умолчания», новые представления о происходящем и рецептура ближайших действий были далеки от того, что тогда называлось да и до сих пор модно именовать мейнстримом; последнее – главная причина, почему, только-только экономике полегчало, было забыто множество решительных намерений, и прежде всего – о пересмотре правил и процедур мирового экономического и финансового порядка. Никто их и не отменял и не дезавуировал, но – подзабылось, отошло на второй или двадцать второй план, задвинутое необходимостью решать срочные вопросы бюджетных дефицитов, инфляции, финансовых дотаций, вливаний в частные банки.

Смелее – и по-своему разумнее всех – оказался президент Обама: молодость или политическая «необкатанность» тому виной, а может быть, воистину катастрофическое положение, правильно им осознанное. Он один не только поставил верный в целом, – на сегодня, по крайней мере, – диагноз «непонятному кризису», но и предложил меры устранения, да не симптомов, но болезни, и начал их осуществлять. За эти только отважные усилия он уже достоин особого места в мировой экономической истории, вне зависимости даже от того, что реально ему удастся осуществить в борьбе с поклонниками мейнстрима (напомним: так было в конце прошлого века названо самое доходное для крупного капитала, в теории и в экономической практике, течение, – на протяжении последних двух десятилетий оно было отчётливо и непрерываемо неолиберальным).

В смысле обнаруженных им и частично реализованных намерений Б. Обама и, разумеется, его экономические помощники и советники, не стоит сомневаться, встал вровень с Ф. Рузвельтом: тот реабилитировал для экономического использования институт государства как необходимый для рыночной системы элемент. Обама же идёт дальше, доказывая своими действиями, что государство (для языковых пуристов, чтобы быть точным, государственное участие) экономике необходимо больше, чем сама система свободного предпринимательства, которая без государства существовать решительно не может. Если довести это до логического конца, формулировка окажется совсем простой: государство – необходимая и неотъемлемая часть рыночной системы.

Практические шаги Обамы к тому же ставят на устойчивые рельсы «заблудившиеся» было экономическую теорию и практику государственного управления экономикой в той его форме, которую у нас принято называть госрегулированием (в других странах, прежде всего в США, это понятие носит иной, более узкий, чем у нас, смысл). Теоретические блуждания видны в мелкотемье подавляющего числа исследований в мировой экономике, в бессмысленном сверхзасилье экономико-математической формализации, иногда превращающей анализ в откровенную фикцию, в активном вводе «игрового» начала в мировую экономику, наконец, – в отсутствии удовлетворительно полной и грамотной философии происходящего в современной экономике после очередного пришествия либералов, опять пытавшихся подчинить экономическую мысль неолиберальным императивам.

Но простейшие исследования вопроса показывают, что теории либеральной экономики и не существует, и создано быть не может, и потому помощи с этой

стороны ждать нечего, – и выходит, что мир в последние 20–30 лет обходился вообще без достаточного современного теоретического сопровождения экономических действий и экономической политики. Вот политика и «заблудилась», безошибочно выйдя к мировому кризису. Зыбкость, неопределённость мировой экономической атмосферы заставили известного социолога Энтони Гидденса ввести понятие «ускользающий мир». Мы отказываемся признавать реальные законы общественного развития и руководствоваться ими, реагировать на них, – они нам логично отвечают, формируя неопределённость и непонятность происходящего.

Радостно встречаемый выход из кризиса сам по себе совсем не означает прекращения «блужданий» и исчезновения «ускользающего мира». Чтобы такое случилось, необходимы какие-то конструктивные меры, – их-то и имели в виду год-полтора назад и главы «восьмёрки», и многие другие. Но теперь главное – не в разоблачении причин внезапного «синдрома немоты», охватившего большинство недавно ещё говорливых людей, – сейчас пора бы смелее оценить идеи и действия почти единственного из глав «восьмёрки», не только полностью сохранившего «дар речи», но, более того, давно уже предпринимающего целесообразные и решительные шаги для предотвращения повторения такого же как сейчас кризиса. Он к тому же явно хочет навести порядок в финансовой системе своей страны, и эта задача – тоже не из лёгких.

Что же заставило американского президента необыкновенно быстро перевести антикризисные разговоры в фазу активных антикризисных действий? Ответ не прост. Политическая молодость президента накладывается на его образованность, на чрезвычайные обстоятельства, правильно им понятые, и на чрезвычайную ответственность, – а в общем всё это в комплексе, надо думать, означает для Барака Обамы глубокое и для него превалирующее понимание главного момента истины: не для того он занял президентскую должность, чтобы именно за этот его срок страна упустила мировые экономические, финансовые, валютные лидирующие позиции, и с опасностями-«вызовами» надо бороться по-настоящему, изо всех сил, на грани экономически и политически возможного, потому что на карте – будущее, а помощь извне не придёт, – не откуда. Приходится напрягаться без скидок на межпартийную дипломатию, рисковать больше разумно дозволенного, – так ведь, кто знает, может, он и избран-то в расчёте на то, что невообразимые сложности заставят «рискнуть лишнего», перед чем политик с большим жизненным багажом остановился бы.

Разумеется, президентские решения, как и в прежние добрые времена, идут в тщательную предварительную обкатку экономической команды президента, а потому сбои должны быть сравнительно редкими. Работу её в упряжке с Обамой с момента выборов, вброшенные через президента идеи и планы можно оценить как необходимо смелые, но рискованные и экономически, и политически. Политические риски социально-экономические инициативы Обамы обнаруживают при их прохождении через Конгресс, – как правило, «на грани фола». Их невозможно было бы объяснить чисто карьерными соображениями, выгодой или некомпетентностью, здесь мотивации явно более высокого порядка, если кратко: судьба США через сохранение их лидерства в мире, прежде всего экономического. Судьбоносность решаемой задачи, без каких-либо скидок и натяжек, видимо, встречается с пониманием в кругах американской власти, а потому инициативы президента непредвиденно часто находят, может быть, минимально, но достаточную поддержку в недемократическом Конгрессе. Это немало, если учесть, что ведь у всех членов обеих палат, республиканцев и демократов, есть ещё и «своя игра», свои взгляды и интересы, не всегда сходящиеся с интересами президента, и ещё – своё понимание происходящего. На

личностный, абсолютно индивидуальный фактор поведения политиков мы не слишком часто обращаем внимание. И напрасно: роль играют не только эти факторы, но и их сочетание, вес каждого из них, история их развития. «Личностный фактор» совсем не всегда нужно относить к проявлению «политиканства», – это может быть и честное, добросовестное служение своему искренне понимаемому долгу человека и политика, хотя, опять-таки, мы не обязательно должны соглашаться с мотивами и сутью этого понимания.

Сознание своего долга перед нацией может служить мощным объединяющим фактором. Это, в частности, и помогло Обаме в начале июля 2010 г. преодолеть с необходимой «маржой» явно неодобрительное отношение к его инициативам Конгресса: Палата представителей утвердила (237 голосами против 192) масштабную реформу финансового сектора страны, предусматривающую резкое усиление надзора над финансовыми учреждениями и защиту прав потребителей. Этот закон откровенно покончил с бытовавшим мейнстримом и начал попытку формулирования и реализации совершенно нового экономического порядка, создавая своего рода «новый капитализм». Размеры текста закона впечатляют, но главное его значение не в количестве подробностей и не в детализации предписаний. Закон вернул государство в экономику в качестве полноправного действующего лица. Кратчайшая его суть: он вновь ввёл отменённое было в 1999 г. положение закона Гласа – Стигала 1934 г., отделившее коммерческие банковско-кредитные учреждения от инвестиционных. Но – и в этом всё дело: новый закон не просто восстанавливает ликвидированную норму; она была изложена тогда в нескольких абзацах. Нынешний закон занял 2300 страниц, полон уточнений и профилактических условий и пытается решить неизбежные финансово-регулятивные проблемы подступающего вплотную будущего. Он, разумеется, не решает все вопросы, но важно начало.

Существенное уточнение: нераздельность коммерческих и инвестиционных функций, прерванная в банках США в 1934 г., возвращенная в 1999 г. и разорванная вновь очень быстро, в 2010 г. после спровоцированного в немалой степени ею же второго за последние 80 лет ярчайшего финансового кризиса, в европейских банках, например, никогда не прерывалась и при этом не служила поводом для упреков в банковско-инвестиционных злоупотреблениях. В этом можно видеть прямое свидетельство активного влияния особой психологии американского предпринимателя, в отсутствие законодательных сдержек более склонного к агрессивным рискам или даже и преступающего рамки закона.

По идеологии неолибералов, такой шаг Конгресса (не говоря уж о Президенте США) нарушает самые фундаментальные основы рыночной экономики. Между тем США считались и для многих остаются и сейчас образцом и оплотом рыночного либерализма (иногда это звучит как «либеральный рынок»). Правда, вопрос об экономическом либерализме изрядно запутан, и исход голосования в Конгрессе вновь показал, что понимание его у американских властей и общественности далеко не однородно и уж вовсе не эквивалентно известным декларациям Милтона Фридмана, обладающих массой любопытных и немалых по значению нюансов. Кроме того, оказалось, что власти Соединённых Штатов совсем не были зачарованы мыслями о преимуществах экономического либерализма, – в отличие от многих предпринимателей, просто использовавших к своей выгоде предоставленные новыми послаблениями возможности сверхнаживы, – и потому очень быстро переориентировались и прониклись здоровой мыслью о срочной необходимости существенного поворота в подходе к разработке и проведению экономической политики. Мысль эту более года назад бесстрашно и красноречиво обнародовал президент Обама.

Другие страны не проявляют той же смелости, и у каждого из «двадцатки» есть на то свои причины.

«Экономика для жизни» против «жизни для экономики»

Но изменения, инициированные президентом Обамой и так или иначе затрагивающие все значительные в экономическом плане государства, воистину грандиозны. Мероприятия администрации Обамы можно обозначить как начало пилотного проекта всемирного значения, – и неважно, удастся этот проект в наши годы или нет, – по выводу неопределённо «блуждающих» экономических теории и практики из хаоса плохо согласующихся друг с другом, противоречивых и часто необъяснимых заявлений и обещаний. Цель, если смотреть объективно, – возвращение к основам настоящей науки, проверяемой практикой и полезной для неё. У этой научной базы должны быть ясно обозначаемые задачи и цели, с обязательным обоснованием их достижимости, с указанием всех плюсов и минусов сравнительно с другими подходами, доступно и понятно для всех излагаемые, без каких-либо двусмысленностей или многозначительных недоговоренностей по важнейшим аспектам.

Речь о той экономике, которая на русский язык переводится как привычное народное хозяйство (для любителей точности – «домашнее хозяйство», но в национальных масштабах это и будет «народное хозяйство»), но никак не максимизация прибыли, – последнее обозначает совершенно другой предмет, и сводить к этому действию суть экономики означает мошеннический подлог. В этом, вероятно, и заключается главный водораздел между двумя подходами к экономике, которые грубо, но точно можно трактовать как «экономика для жизни» против «жизни для экономики». Речь, иначе говоря, идёт о том, следует ли употреблять все человеческие («экономические») усилия, чтобы прибыль на частных предприятиях (читай: у предпринимателей) была возможно высока, или эти усилия призваны обеспечить возможно достойные условия жизни.

Это, конечно, относится уже к теории, и может показаться недостойным подозревать молодого президента ещё и в теоретических экзерсисах. Но факты говорят сами за себя. В область теории Обаме при планировании и реализации наиболее значительных мероприятий экономической политики пришлось вторгнуться волей-неволей, хотел он того или нет. Вопрос к моменту его инаугурации стоял – до непривычной в политике прямолинейной жестокости – просто: что спасёт от катастрофы – неолиберализм, кейнсианство или, может быть, неясное «что-то новое»? К этому третьему варианту все давно и шло – при бешеном сопротивлении либеральных фундаменталистов.

Яростное противостояние – единственное, по сути, оружие в руках экономических неолибералов ввиду отсутствия в их учении созидательного начала. В Россию неолиберализм ворвался «на плечах младореформаторов» с любезной подачи того самого Лоренса Саммерса, главного нынешнего экономического советника Обамы, в то время занимавшего пост замминистра финансов США и курировавшего в 1990-е годы финансовые взаимоотношения американской администрации с командой Ельцина – Гайдара – Чубайса. Реальный потенциал его возможностей, мыслительных и организаторских, хорошо виден из успеха, достигнутого им при выполнении этой задачи, – с точки зрения интересов США, – к чести, может быть, Саммерса, но не его российских партнёров, необъяснимо и вдруг очаровавшихся неолиберализмом, и не просто рыночны-

ми идеями (это было бы более или менее понятно), но рыночным фундаментализмом, – а вот это всегда выглядело сомнительно.

Пошлость – вот то главное, что та эпоха реформ привнесла во все практически жизненные сферы Советского Союза и затем «независимой России», но едва ли можно найти более яркое воплощение пошлости, чем либерализм и попытка его внедрения в российскую экономику*. В США и в те годы, и тем более сейчас неолиберализм как практическое руководство к действиям не слишком-то прижился, в других странах – ещё меньше того, хотя по всему миру неолиберальные идеи – американскими же усилиями – стали с 80-х годов прошлого века едва ли не единственно модными и «допустимыми». На долгое тридцатилетие содержание мирового экономического мейнстрима пропиталось лозунгом «меньше государства!», крайне привлекательного своей простотой и кажущейся доходчивостью, – оно и стало высшим выражением экономической пошлости в теории и тем более в экономической политике.

Для России это неприятное состояние, организованное плохо компетентными реформаторами, было особенно чувствительно ввиду её особенностей – ментальных, пространственных, исторических, демографических, оно не отвечало духу нации. Этого не поняли ни «образованцы»-«реформаторы», ни их заокеанские инструкторы, все измерявшие наличием заполненных колбасой и ширпотребом витрин и ради того «пригласившие» в Россию рынок в его «крутейшем» и, как они полагали, самом гарантированно эффективном варианте.

Это было, может быть, и преднамеренной, но ошибкой. Уже очень скоро (не говоря о современности) стало ясно, что Россия нуждалась в другом. Народ просто устал от неподвижности брежневских лет, сменивших наивный оптимизм оттепели, он и от перестройки ждал чего-то вроде возрождения «оттепельных» надежд. Но перестройку «замотали», а вместе с зеркальными недоступными витринами пришли расстрел парламента, впервые избранного вполне свободно, хотя, может быть, и не очень удачно, нашествие криминала и русские долларовые миллиардеры.

Пошлость, за уши втащенная экономическим либерализмом, охватила и внешнюю политику, и культуру, и пр., и пр., предметно доказывая: выдумки либерализма против идей серьёзной экономической науки – это не схватка двух равноценных чисто научных теорий, но настоящая война двух мировоззрений, причем ничего «коммунистического» там и близко не было и вопрос стоял крайне просто: экономика для человека или человек для экономики? Все вариации на тему «сколько государства?», нужны ли социальные расходы или они нелогичны, все заверения «рынок всё сделает сам», – всё это не более чем камуфляж, призванный замаскировать главную мысль экономического либерализма: всей жизнью государства и его населения должен руководить рынок, а если прямо – те, кто «курирует» рынок, – предприниматели.

Но недаром американский президент открыл для себя две новые, нестандартные и, как теперь понятно, неоспоримые причины кризиса: алчность предпринимателей и безответственность правительственных чиновников. Оба качества (для соответственных групп людей) осуждаемы повсеместно, но космополитичны и до непрерывной череды хозяйственных катастроф не доводят, только если находятся под «общественным» (государственным) контролем. Од-

* Обычное уточнение: речь именно об экономическом либерализме, – к либеральной идеологии и политике тоже немало претензий, но совсем иного рода.

нако в рыночной экономике они по природе своей рвутся на свободу, к максимальной разнузданности. Но делать это открыто было бы некомфортным, и вот в общественное и научное сознание начинают заталкиваться внешне безобидные «дискуссионные» мысли. Одна из них, обычно устанавливаемая в авангарде «рыночных наступлений», как раз и декларирует прибыль в качестве главного мерила успеха и хозяйства страны, и её общественно-политического строя. Это кажется резонным и логичным и уж, конечно, абсолютно противоположным идее планово-административной экономики.

На деле это – всего лишь одно из извращений классической рыночной идеологии А. Смита, постепенно вошедших в норму сравнительно недавно. Наряду со многими другими уловками оно придало рыночной системе безмятежных смитсианских времён черты опасного минного поля, средоточия диверсионных ловушек. На них, в частности, подорвалась российская перестройка, а возможный конечный результат их действия около 100 лет назад излагал Дж. Лондон в утопии (или антиутопии?) «Железная пята».

За последние десятилетия рыночная идеология, прежде всего стараниями временно захвативших почти монопольное влияние в науке неолибералов, оказалась деформирована и извращена настолько, что возврат её во вразумительное, внушающее доверие состояние требует специальных усилий. Фундаменталисты, быстро удрав с поля научных дискуссий, для них совершенно бесплодного, следом максимально упростили свою задачу и её условия: всю экономику, в теории и практике, они свели к противостоящим друг другу либеральной и кейнсианской доктринам, причём, по заверениям российских неолибералов 90-х, кейнсианство достойно было лишь осмеяния и презрения. Эта научная и политическая пошлость была понятна без комментариев. Фундаменталисты захотели усилить её. Противостоящее либерализму кейнсианство они дополнили псевдокоммунистической планово-административной экономикой, объединив все концепции в единый пакет, несмотря на их сущностную разнородность и напроочь забыв другие стоящие внимания концепции, – тот же институционализм, например.

Особенно в чести такие грубые подтасовки были у российских либерал-реформаторов: они верноподданически рвались превзойти зарубежных учителей и к тому же панически боялись бродивших в обществе со времён перестройки идей не слишком пока определённого, но привлекательного «третьего пути», автоматически предполагавших неолиберализм ненужным. Мировой кризис сделал «третий путь», в несколько иной и немного прояснённой редакции, императивно востребованным в международном экономическом сообществе. «Пожарные» спасательные меры, естественно, принимались ещё в рамках привычных парадигм и финансовых технологий, но было уже понятно: парадигмы должны смениться, классического кейнсианства мало, для обеспечения дальнейшей безопасности экономического развития оно устарело, – но не по сравнению с либерализмом, а ввиду ужасов, принесённых краткосрочным пришествием либерализма в присутствии кейнсианства.

Успокоительная теория «вечного» маятника («лет десять–пятнадцать этактизма, потом для равновесия столько же лет либерализма – и обратно») рухнула с сокрушительным грохотом под напором безудержной алчности и либеральной безответственности. Все это потребовалось очень быстро освоить Б. Обама и его команде при установке барьеров дальнейшему распространению кризиса. Но чтобы начать предохраняться от рецидивов таких же «инновационных» катастроф, им пришлось – или приходится сейчас – понять и

многое другое, и есть смысл попытаться следовать за ходом их рассуждений, тем более что России это намного нужнее, чем США.

Государство — органическая составная часть рыночной системы

Итак, начать все можно с исторического противостояния неолиберализма и научной экономической теории, где в центре — получаемая прибыль как показатель и мерило успешности. Временно оставим в стороне вопрос о различиях между прибыльностью производственной экономики и оторвавшегося от неё финансового сектора, оснастившегося удобными для него производными инструментами. Насколько они удобны и вообще приемлемы для экономики, — проблема очень серьёзная, потому что, никто не станет отрицать, прибавочная (добавленная) стоимость создаётся в реальном производстве, а кризисные «пузыри» — способ отгрызть от реальной прибыли куски пожирнее с помощью ипотеки ли, деривативов или чего-то иного. Чем больше самостоятельности обретает финансовый сектор, — тем беднее он делает сектор реального производства.

На ум само собой приходит естественное при сопоставлении плановой и рыночной формаций соображение: прибыль для рынка служит таким же универсальным — безликим и обобщающим — показателем успеха, что знаменитый «вал по плану» для административно-плановой экономики. При этом, что не менее интересно, оба варианта содержат сходные негативные для хозяйственного процесса последствия; если по какому-то товарному наименованию план выдавался в расчёте на соответствующие количество и качество других планируемых товарных позиций и при безусловной вере в непогрешимость составленного заранее плана в целом, то прибыль — теоретически — предполагается безликим материалом для последующего распределения по производственным и жизненным потребностям.

Оба эти метода, — а они кажутся прямо противоположными, — объединяются очень общим свойством: и там, и там процесс идёт при участии и под влиянием бесконтрольного (хотя кажется, что это не так) человеческого фактора. План сперва составляется специалистами в соответствии с их пониманием положения дел и поставленными задачами, затем выполняется по ряду параметров, удовлетворительно или нет, выполнение оценивается, — всё это при непосредственном участии человеческого фактора, со сбоем и ошибками, но при фактической невозможности внести желаемые коррективы, необходимость в которых неизбежно возникает. Во втором, рыночном, случае прибыль, под влиянием того же человеческого фактора, не только не может быть распределена целесообразным образом между капиталистами и обществом, но и, если оставить за предпринимательским миром право распределять всю (валовую) прибыль по предпринимательскому желанию, целесообразного и безопасного — т.е. удобного для производства, с соблюдением необходимых «антикризисных» пропорций и не рождающего кризисных диспропорций — распределения ни в коем случае не произойдёт.

Несомненность такого исхода прямо диктуется конкурентной и своекорыстной природой капиталистического производства: прибыль прежде всего пойдёт в «высокоприбыльные» отрасли, что ведёт к перепроизводству и кризисным диспропорциям. В плановом варианте существует хотя бы формальная потребность в контроле, в рыночном случае контроль со стороны обычно не предусмотрен, а в либерально-фундаменталистском варианте — табуирован. Иначе говоря, приходится вернуться к первоначальной постановке вопроса: должна ли экономика — народное хозяйство экономически обеспечить жизне-

способность, интересы населения и общества, страны и одновременно воспроизводственные задачи по возможности безопасным, бескризисным способом, т.е. с заложенными в экономическую политику необходимыми антикризисными и социальными, в интересах общества, положениями, – или следует надеяться, как рекомендуют рыночники, на то, что «правила рынка» всегда, в том числе и при «выращивании» и распределении прибыли, сами обеспечат нужный и целесообразный вариант, – для этого, правда, придётся уйти от вопросов «нужный кому?» и «для чего?».

Ясно, что риски сбоев в работе планового и рыночного подходов, при видимом различии их природы, как минимум равновелики по их влиянию на общество и его интересы. Хуже с обеспечением демократии, которой любят хвалить рыночники, тем более – фундаменталисты. В плановом варианте она может быть, пусть формально, заложена заранее (пусть и не обязательно) и исполнена (пусть даже плохо). При рыночном варианте демократия в процессах принятия производственных решений, распределения ресурсов и прибыли вообще отделяется от большей части общества в пользу узкого, около 5% населения, слоя предпринимателей, – и такой строй или уклад можно называть как угодно, только без определения «демократический».

Рыночные решения тоже, разумеется, и подлежат, и поддаются коррекции, но, во-первых, всегда с опозданием, что, к сожалению, здесь является необходимым условием, и во-вторых, – исключительно через вмешательство государства. Государство, и это легко понять, – единственный участник экономических отношений в стране, который может быть обычно (но и не обязательно, не всегда) заинтересован во временном хотя бы обуздании разбушевавшейся рыночной стихии; однако при кризисах это если и происходит, то, в свою очередь, необходимо с запозданием, – потому что может лишь служить ответом на уже отчётливо обозначившийся кризис с такими показателями спада, инфляции, безработицы, в значениях которых трудно ошибиться. Кстати, и появление рынка совпадает со становлением государства.

Итак, здесь и в дальнейшем мы будем придерживаться, как уже говорилось, обозначения понятия «экономика» как «народное хозяйство», полагая, что этим успешно разрешили, хотя бы для себя и для избранных нами целей, одно из плохо проясненных противоречий в бытующих представлениях о рыночной экономике. В то же время чувству хотя бы и минутной удовлетворённости этим фактом сейчас не место, – по двум причинам. Во-первых, таких неясностей и неопределённостей в рыночном процессе, – в том, точнее, представлении о нём, которое считается наиболее ходовым (и ни в коем случае не «общепринятым»), – огромное количество, в чём и нам вскоре предстоит лишний раз убедиться. Во-вторых, подобные противоречия, расхождения, разночтения – это, как правило, ещё и предлог для декларирования «собственного», «правильного», «истинного» понимания сути.

Начнём с хорошо известного: на этом либеральном «правиле» «нет – государству!» не построена ни одна экономика в мире. Второй известный факт: все экономические «чудеса» прошлого и близкой нам современности (ФРГ, Япония, Южная Корея и т.д.) строились на активном либо чрезвычайно активном участии государства, – а то и на его инициативе. Факт третий: ни в одной из постсоциалистических стран неолиберальный подход не принёс успеха. И – ещё один факт, известный настолько хорошо, что о нём принято забывать («это и так все знают»): рынку подвластны не все экономические процессы и явления, а его созидательная роль или даже сравнительная эффективность весьма часто сомнительны.

Последнее из упомянутых положений доказывается непреложным и тоже хорошо известным фактом: сельскохозяйственное производство во всех странах – США, Россия и т.п. – без помощи государства убыточно, нерентабельно и неконкурентоспособно по сравнению с другими отраслями той же страны, и рынок не смог внести в эту проблему за много веков никакой ясности; тем более – широко известно – он не в силах исправить положение дел. Этот провал рынка по-настоящему фундаментален, он не похож на жалкие примеры неспособности рынка освоить «долгоиграющие» производства с небольшой прибылью, он касается базовой жизненной отрасли человеческой деятельности. Известны трудности с исследованиями этой сферы, которые испытывали и К. Маркс, и многие другие аналитики, но суть дела не меняется: рынок не только не способен всегда эффективно управлять хозяйством, но в сложных случаях он терпит откровенное фиаско и потому, в сочетании со всеми другими его «провальными» или «катастрофическими» особенностями, не может быть принят в качестве универсального регулятора экономических процессов. Кризис доказал и это: время постепенно пополняет набор факторов, препятствующих успеху рыночных процессов, всё новыми и новыми элементами, – в то время как способы нейтрализации этих элементов или борьбы с ними остаются, в общем, прежними.

Принято «не замечать» и такую неспособность рынка – её можно назвать и «глобальной» – как неумение его обеспечить сбалансированное и стабильное развитие роста, избегать кризисов или хотя бы их смягчать. Дело обстоит как раз наоборот. Либеральные «пожелания» к экономике и экономической политике примитивны, природа их искусственна, а суть – надуманна. По существу это чисто формальная схема, да к тому же втиснутая в главное требование «заказчиков»: «меньше» государства, но никак не «больше» и, – что понять уже совсем невозможно, – не «точнее», не «более качественно», хотя такие-то пожелания вроде всегда к месту при любой «идеологии рынка».

Этим многогранным примитивизмом характеризуется схема либеральной экономики, но происхождение его со схематичностью не связано и ею не порождается. Напротив, любая схема только тогда и становится понятной, нужной, «оживает», когда появляются и находят ответ уточняющие вопросы. Беда с либеральной экономикой – в том, что деловых уточнений она не терпит, и это вновь доказывает её далёкую от науки суть. Этот важнейший пункт фиксирует коренную, радикальную разницу между любой прагматической и «либерально-экономической» схемами: первая обычно направлена на удовлетворение рыночных требований и в конце концов должна быть доведена до обезличенных, но внутренне логичных взаимосвязей всех составных частей в соответствии с обезличенными и обязательно абстрактно-логическими потребностями рынка, а что касается второй, – она порождена не рыночной природой или системой, не стечением объединённых общей логикой обстоятельств и развитием экономических событий, но специально сформулированным комплексом специфических и далеких от рынка требований и пожеланий с целями неясными и неубедительными.

Иными словами, либеральная экономическая политика нацелена на деформацию рыночного процесса ради достижения определённых целей, – и в этом она ничем не отличается от любой разновидности плановой экономики, хоть бы и от планово-индикативной – вполне капиталистической. Однако есть между ними огромное различие, – оно в тех целях, ради которых осуществляется каждая из этих деформаций. Планирование любого вида, глубокое оно или не слишком, умелое или не очень, квалифицированное или нет, направлено на сбалансированный рост с мерами по планируемому уходу от кризисных

ситуаций при выполнении вполне определённых по номенклатуре, ассортименту, количеству и качеству товаров и услуг производственных задач, цель которых – удовлетворить заранее оговорённые, хорошо или плохо, но тоже с заранее заданными целями, будущие потребности страны, общества, индивидуумов. «Либеральная деформация» вообще с «живыми потребностями» прямой связи не имеет, будучи ориентированной на размеры прибыли и самую общую экономическую эффективность. Так как эффективность – понятие многомерное, а распределение прибыли без участия или надзора государства не поддаётся даже прогнозу, а тем более – рациональному подходу исходя из нужд общества или страны, выполняя роль показателя заинтересованности лишь определённого среза в обществе и в экономике, экономика либеральной схемы выполняет, соответственно, роль исполнителя искусственно формируемых потребностей, но не гуманитарных, не для общества или нации. Это даже и не продолжение чисто рыночной экономики (которая, как мы видим, и сама далеко не может считаться совершенной); как и плановая разновидность, она сформирована искусственно, – но, в отличие от плановой, лишена свойств народного хозяйства, поскольку сконструирована выборкой таких условий и целей для экономической политики, которые если и приносят пользу вообще, то лишь определённому узкому слою или кругу.

Практика противоречит неолиберальным декларациям. Это важное, но совсем не единственное и не самое главное основание для того, чтобы усомниться в научных достоинствах и полноценности теории неолиберализма. Да и вопрос впору поставить более остро. Концепция неолиберализма широко представлена в науке, учебниках, справочниках, но часто её описания не имеют между собой почти ничего общего, кроме, разумеется, главного лозунга: «Нет – государству!» Она пытается часто вторгаться в практику, хотя всякий раз терпит неудачу или провал. Однако при этом пока никем и нигде не показана и не доказана теоретическая, научная природа этой концепции, попадающая на глаза гораздо чаще многих других давно апробированных теорий и доктрин. Не имеется даже и попытки серьёзного доказательства теории экономического неолиберализма с плюсами и минусами этого течения, со взвешенным анализом его отличий от других концепций. Его существо приходится воспринимать как нечто заданное каким-то экономическим «авторитетом» в неоспоримом статусе не ниже хотя бы А. Смита – тогда его мнение, заведомо честное и непредвзятое, можно было бы посчитать утверждением и подтверждением истинно научной природы и ценности предмета и содержания новой теории без подробных обоснований или доказательств. Но такого авторитета нет, а был бы – едва ли поддержал бы подобную концепцию, – во всяком случае, реальный Адам Смит нигде не высказывается в поддержку существования нынешних неолиберальных идей, зато многое в его работах направлено прямо против таких мыслей.

Анализ подтверждает полную справедливость высказанных сомнений. Настораживает, например, отсутствие единства уже между зачинателями первыми, по сию пору наиболее известными, проповедниками неолиберализма Л. Мизесом и его знаменитым учеником и последователем Ф. Хайеком. Не менее любопытно и развитие этих расхождений, – оно стало основой для совершенно иных концепций, их теперь часто считают эквивалентами неоклассических и даже неокейнсианских теорий, и это по меньшей мере плохо объяснимо с точки зрения логики или экономической науки. Такая «взаимная подмена» ставит вопрос о научной базе и всех этих теорий. Много в идеях неолиберализма, в особенности у Ф. Хайека, берет корни в социологии и философии. Очень серьёзна такая деталь в обосновании неолиберализма: экономическую

свободу многие либералы считают либо синонимом, либо продолжением свободы политической, утверждая, что тем и другим человек наделён от рождения. Это несомненная и грубая ошибка.

Владение политическими свободами («один человек – один голос») действительно в равной степени дается при рождении каждому, однако с экономическими свободами дело обстоит гораздо сложнее: огромна роль и состояния здоровья, и физических и умственных возможностей человека, не говоря о наличии или отсутствии начального капитала, да и к тому же рыночная система вряд ли выдержала бы, если бы каждый из жителей страны становился предпринимателем.

Некоторые из рекомендаций и требований неолибералов подвергают в недоумение или просто удивляют незнанием авторов с реальными законами окружающей жизни: по Хайеку, все социальные вопросы или образование должны быть отделены от государства и его «административного деспотизма», а социальный порядок в обществе должен строиться стихийно, без чьих-либо сознательных усилий и вмешательства. Не следует государству вмешиваться и в денежную политику, включая эмиссию денег.

Получается, что либеральная экономическая политика – понятие внесистемное, нерыночное, ибо оно «рукотворно», создано искусственно, не вызвано потребностью рынка и основано на добровольном отказе, – надо признать, самоубийственным, – от участия государства в макрорынке, на отрицании его необходимости и утверждении его вредности для экономики. Ловушка для «либеральной» концепции – в том, что выбрать можно всего одну из двух альтернатив: либо государство служит охранителем рынка и рыночных процессов, гарантом существования рынка, подспорьем рыночным субъектам в кризисных ситуациях, координатором, предотвращающим «рыночные экстремальности», – либо рынок исчезает.

Механика его исчезновения при наступлении альтернативы давно известна: через исчезновение конкуренции, разгул монополизации, замену существующей государственности (допустим, демократической) другой её формой (допустим, олигархической). Важно не это, – главное в том, что государство в таком случае выступает не составной частью и активным участником экономического, рыночного механизма, а вредоносным его противником, обречённым и призванным навсегда остаться с ним в конфликтных отношениях откровенного противостояния. Всё это не ново, однако пора, наконец, поставить напрашивающийся, но никогда не ставшийся в подобных дискуссиях вопрос: а зачем такое конфликтное противостояние государству нужно и каковы его мотивы?

Генезис вражды государства с предпринимательством

Вопрос о взаимодействии и соотношении сил частного предпринимательства и сил государства в капиталистической экономике не слишком прост, с какой точки зрения на него ни посмотреть. Но к объективным трудностям анализа и оценок добавляется весьма заметная доза искусственно создаваемых, надуманных и насильно внедряемых в экономическую науку и практику идей, полностью оторванных от реальности жизни и экономики и нигде и никогда не подтверждённых практикой; последнее в точных науках считается достаточным основанием, чтобы лишить такую концепцию определения «научная».

Нежизнеспособность и бесплодность идеи экономического либерализма доказана и подтверждена многократно, но всякий раз, временно исчезая, она появляется вновь. Возродится она и сейчас, после нынешнего как будто оконча-

тельного в своей сокрушительности краха. Бесконечные музыкальные «рондо», выделяемые неолиберализмом, и самых заядлых скептиков могут привести на невольную мысль: «а может, в этом либерализме и впрямь что-то есть?»

Но можно пообещать публичное изъяснение самой искренней благодарности тому, кто предложит хотя бы приемлемое для всех обозначение либеральной экономики, экономической политики и её целей, – лучше, конечно, позитивно-конструктивных. До сих пор самыми тщательными поисками ни того, ни другого обнаружить не удалось. Устойчивость и бесконечную «возвращаемость» идеи экономического либерализма, каким бы он ни был «несуществующим», можно объяснить только одним: она выгодна и нужна очень мощным силам в обществе. И в самом деле: иллюзия объективной потребности в подобной концепции создаётся мощью крупных финансово-промышленных объединений, легко манипулирующих общественным мнением через принадлежащие им или находящиеся под их влиянием СМИ, да и потребность такая, надо признать, частично существует – не у всей страны и экономики, но всё же примерно у половины экономики и у 12–15% населения, вмещающих крупный капитал и находящуюся вокруг «тусовку». Высокий накал хорошо оплаченной манипулятивной пропаганды заставляет, вопреки урокам экономической истории, через регулярные промежутки времени вновь подросшее поколение опять поверить в химеру «автоматического», а в последние годы еще и «бескризисного» безоблачного счастья при воцарении «невидимой руки». Потом красивая иллюзия вновь рушится, и «либеральный цикл» начинается в очередной раз.

Такова общая схема «ускользания» экономики с конструктивного пути, ухода её с целенаправленного вектора под названием «польза страны» на путь, выгодный крупному капиталу, где предназначение государства – поддержка и реализация неолиберальных мероприятий, среди которых забота о нуждах населения смотрится как вредительство. Пропагандистская «накачка» общественного мнения служит, вероятно, самым мощным из имеющихся факторов дезориентации экономической науки, общества, правительств с целью заставить их принять политический и экономический курс, нужный сильным финансово-промышленным кругам и партиям, но в конце концов невыгодный большинству населения страны. Тем же путём и с ещё большей выдумкой проводится внушение идей неолиберализма общественности и правительствам других государств, избираемых в качестве жертв рыночной экспансии ведущих держав.

Всё сказанное, как это ни странно, говорит о необходимости постоянного и серьёзного внимания проблемам экономического либерализма, его прошлого и будущего: во-первых, уже из-за факта его существования; во-вторых, даже если, как можно предвидеть, в определённых условиях он отомрёт и вовсе исчезнет, предупреждающие и предупредительные исследования такого рода будут долго необходимы для анализа причин и следствий огромной деструктивной роли неолиберализма в прошлом.

Либерализм в экономике иногда откровенно отождествляют с сутью предпринимательства, а последнее, в свою очередь, представляют сутью экономики. Такая путаница почти всегда злонамеренна, – нет ошибки или заблуждения более серьёзных и более удобных для либерализма. На деле либерализм паразитирует на предпринимательстве, что, собственно, и ведёт к гибели предпринимательства как живого активного начала хозяйственного процесса, а после этого – к неизбежному коллапсу экономики – народного хозяйства.

Прояснить картину взаимоотношений предпринимательства с государством помогает режим дыхания человека. Воздух состоит из азота, кислорода и углекислоты, но привычная мысль – организму нужен только кислород. Она ошибочна. Человеческий организм на чистом кислороде прожить не сможет, и

для разных ситуаций пропорция кислорода, азота и углекислого газа должна быть различной, иначе станет невозможной деятельная жизнь человека в пустыне, в горах, в подводном или космическом скафандре. Пусть мы уподобим в этом примере кислород частному предпринимательству, – но и в этом, самом для последнего лестном, случае рынку не прожить без «азота и углекислоты».

Но нельзя не признать и другого: концентрация газов в воздухе либо устанавливается естественным путём, и после перехода определённых уровней воздух перестаёт поддерживать жизнь, либо нужные человеку для разных ситуаций пропорции устанавливаются им самим через длительные исследования. Во взаимодействии государства с предпринимательством таких исследований, можно сказать, практически не было. В особенности это относится к применимости отдельных способов государственного воздействия в различных необходимых случаях (их – необозримое количество) с «тонкой настройкой» или, тем более, сочетаний различных «тонких» мер, что многократно усложняет задачу.

Отсутствие таких исследований с достоверными результатами и внятыми выводами, с одной стороны, открывает путь псевдолиберальным рассуждениям об исключительной и решающей роли частного предпринимательства в экономическом процессе, а с другой – вроде бы подтверждает исконно «конфликтную», враждебную ситуацию противостояния вместо сложного взаимодействия двух сторон рыночного механизма и процесса, – но только на деле это, конечно, не две стороны, а две составные части, или два института, из которых, не вредным будет напомнить, решающую, критическую, жизнеобеспечивающую роль выполняет именно государство, а предпринимательство может быть сравнимо, и то в лучшем случае, с двигателем процесса; но что такое автомобильный двигатель без шасси, колес и коробки передач? Уж точно – не автомобиль.

Точно так же предпринимательство, говоря строго, в присутствии государства не может быть названо даже основой экономики, хозяйственного процесса. Чтобы «процесс пошёл», первое необходимо второму так же, как второе – первому. Установим это окончательно, – тогда проще решать вопрос о происхождении «идеи враждебного противостояния»: нужно всего-то ответить на классическое «кому выгодно?». Ответ прежний: только крупному капиталу, и никому другому – ни большинству населения, ни малому бизнесу, ни общественным, неправительственным, некоммерческим организациям. Есть, правда, одно изъятие, и оно существенно: кроме высоких правительственных чиновников. Это они, как известно, более чем часто, что в США, что в России, «заходят» в правительство из бизнеса, конечно, немаленького, в этом мотивированное оправдание их привлечения в правительство – наличие опыта с делами крупных масштабов, – сопровождаемые сложившейся там и разделяемой ими предпринимательской философией «исключительности», а потом туда же и возвращаются, укрепив в себе ту же философию.

В этом пункте дело начинает проясняться. Создание представления о непрерывном, нескончаемом противостоянии государства и бизнеса выгодно крупному бизнесу и крупным чиновникам, причем не государству и не правительству как институтам власти, а отдельным «населяющим его» лицам, многим, но и не обязательно всем и по большому счёту никому другому. То же самое, но в иных масштабах, свойственно, как известно, и другим уровням власти. Путаница между интересами власти (общества, государства) и интересами отдельных лиц, состоящих во власти и близких к бизнесу, – сильнейший фактор, искажающий нормальный, каким он должен был бы быть, режим отношений между государством и частным сектором.